

РУССКАЯ ЖИЗНЬ

2458 Sutter Street
San Francisco 15,
California.

Editor: Walnut 1-5381.
Office: Walnut 1-5380.

"RUSSIAN LIFE"

RUSSIAN LIFE

КОНТОРА ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО
С 9 ЧАСОВ УТРА ДО 5.30 ЧАС. ВЕЧЕРА,
КРОМЕ СУББОТ И ВОСКРЕСЕНИЙ.

Daily morning news except
Sunday, Monday & Holidays
"Second-class postage paid at
San Francisco, Calif."

Entered as second class matter
Aug. 5, 1921 at the Post Office
at San Francisco Calif., under
the Act of March 3, 1879.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. П. ЧЕХОВА

Чехов (род. 17 января 1860 г., сконч. 2 июля 1904 г.) еще не вполне раскрыт и оценен соотечественниками. Современники ценили в его рассказах меткое изображение родного быта, словесное мастерство; их привлекала мелодия его произведений, в которой слышалась затаенная грусть, неопределимая, как в песенке певчего дрозда. Он стал для многих своим, любимым. Почему? Чувствовалось так, чем-то. Не ставили его вровень с великими — с Толстым, или Достоевским; но любили не меньше, как-то особенно, роднее. Может быть, потому, что не чувствовали его величия, и к любви примешивалась жалость: окончив университет на врача, Чехов вскоре серьезно заболел, и говорили, что у него чахотка.

Он не потрясал, не воспламенял, не учил. Он только рассказывал, с юмором или нежной грустью, касался чего-то неясного в душе, что-то напоминал забытое, грустил о чем-то, мечтал о прекрасной жизни, «которая будет лет через триста...» Задумчивый, даже застенчивый, внимательный со всеми, тихий, был он совсем несогласен с временем революционно-шумному, и, вскоре после его кончины, 2 июля 1904 г., его уже начинают забывать.

С революции 17-го года, он совсем выпадает из суетной жизни, почетно похоронен в истории литературы. Новому поколению, «советскому», он уже не свой: он — будто уже лишний, непонятный. Конечно, его читают, особенно легкие его рассказы, первой его поры, «прорывающиеся», поскольку требует школьная программа, — только слишком он «неактивен», слишком целомудрен, тонок и нежно-грустен. Старшее поколение пересчитывает его, что-то ему в нем слышится. Говорят, что теперь и молодежи начинает его читать, начинает даже любить его... — и едва ли в силах понять сокровенное его творений. Но чем-то к нему влечется, о чем-то и ей он напоминает...

Еще меньше понятен Чехов иностранцам. Читают его охотно, в нем привлекает занимательность, меткость изображения чужой, «экзотичной», жизни, юмор; но он не захватывает, как Достоевский или Толстой, которые теперь раскрыты читателям в целом свете трудами критики. А, между тем, Чехов — та же большая дорога русской литературы и, как великие наши, Пушкин, Гоголь, Тютчев, Достоевский, Толстой, стоит в том же русле духовного русского потока, первоисточником которого — духовная сущность русская, русская душа, мало миру понятная. Вот почему, предлагая Чехова иностранным читателям, необходимо сказать о русской духовной сущности и, как ее выражении в искусстве, о большой

дороге русской литературы. Тема огромная, религиозно-философская; в предисловии приходится лишь поверхностно ее коснуться.

Известный публицист Герцен высказал, что вся русская литература «вышла из гоголевской «Шинели», известной повести Гоголя. Это совсем не верно. Русская литература, а с нею и гоголевская «Шинель», вышла из духовной сущности русского народа, из томлений его по «справде Божией» на земле, из его веры в эту правду, из его исканий этой правды, при всей его необузданности и греховности, при всем его метании «от Мадонны к Содому», по слову Достоевского. Особенности русской культуры — в ее истоке. Русская культура — «запечатленная» печатью тысячелетий: крещением в православие. Этим и определялась духовная сущность русского народа, его истории и просвещения. При склонности к созерцательности, русская душа — страстная, мятущаяся от «Светлого Града» к аду, душа художника и юродца, смиренника и дерзателя, подвижника и грешника.

Но она и крепко восприимчива, и, если подлюбит что, если во что поверит — крепко запечатлеет это, отдаст себя за это безоглядно. Удивительно, как почувствовал эту безудержную душу иностранец, граф Жозеф де-Местр: «Если бы русское хотенье», говорит он в своих «Катр Шанитр сюр ля Россия» (1835 г. Париж), «смогли заточить под крепость, оно бы взорвало крепость». «Крещенская купель» и стала для души русской запечатленностью, прочно вросла в нее и дала блистательное цветение. Это доказано бесспорно и русской историей и всей культурой русской.

Но еще до научных доказательств Пушкин проникновенно определял: «наша просвещенность шла от монахов». Этот свет и поныне светит, что бы там ни творилось в видимости. Его влияние мощно сказалося в русском искусстве: в живописи — икона, в музыке, зодчестве — храмы нашего Севера — и особенно в русской «большой» литературе.

Наша литература — тоже «запечатленная»: она исключительно глубока, «строга», как, быть может, ни одна из литератур в мире, и целомудренна. Она как бы спавает, вяжет Землю с Небом. В ней почти всегда «вопросы», стремления «раскрыть тайну», попытки найти почти всегда «вопросы», стремления «раскрыть тайну», попытки найти разгадку мировых загадок, поставленных человечеству Неведомым: о Боге, о бытии, о смысле жизни, о правде и кривде, о зле — грехе, о том, что будет там... и есть ли это — там?... Искусство каждого народа — по его емкости духовной. Националь-

